

5. Кара О. А. К вопросу о представительстве в гражданском процессе // Киберюрист. 2020. № 4 (4). С. 32–34.

6. Колоколова Д. А. Некоторые вопросы представительства в гражданско-процессуальном праве // Современное состояние системы принудительного исполнения в Российской Федерации и пути ее совершенствования. 2020. № 4. С. 126–128.

7. Пастухов А. С. Институт представительства в гражданских делах // Работы членов студенческого научного общества СЮИ ФСИН России. 2020. № 3. С. 154-157.

8. Поставнюк В. Д. Проблемы введения адвокатской монополииофиц. сайт. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2020-9/6-postanyuk.pdf>. (дата обращения: 24.11.2021).

9. Пронина М. П. Спорные вопросы реформирования института представительства в гражданском процессе // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 1 (50). С. 121–125.

УДК 343.3

Коленченко Антон Александрович,

прокурор города Южно-Сахалинска Сахалинской области,

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

kolenchenko.anthon@yandex.ru

**Уголовная ответственность за посягательства на права
и законные интересы участников корпораций:
теоретико-правовой аспект**

В статье рассматриваются теоретические вопросы уголовной ответственности за посягательства на права и законные интересы участников корпораций. Автором исследуются мнения ученых в области уголовного права в части вопросов обоснованности/необоснованности установления уголовной ответственности за деяния, посягающие на права и законные интересы участников корпораций. Приводится некоторая уголовная статистика по преступлениям, направленным на охрану корпоративных прав и законных интересов участников корпораций. В качестве вывода автором презюмируется, что установление и применение уголовной ответственности за наиболее серьезные нарушения корпоративных прав и законных интересов участников корпорации обусловлено их широкой распространенностью, высокой значимостью для частных лиц и общества в целом.

Ключевые слова: корпорация, уголовное право, уголовный кодекс, уголовно-правовая защита, предприниматели.

Kolenchenko Anton Alexandrovich,
prosecutor of the city of Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin region,
Saint Petersburg law institute (branch)
university of the prosecutor's office of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russian Federation

**Criminal liability for encroachments on the rights
and legitimate interests of corporate participants:
theoretical and legal aspect**

The article discusses the theoretical issues of criminal liability for encroachments on the rights and legitimate interests of corporate participants. The author examines the opinions of scientists in the field of criminal law regarding the validity / unreasonableness of establishing criminal liability for acts infringing on the rights and legitimate interests of corporate participants. Some criminal statistics on crimes aimed at protecting corporate rights and legitimate interests of corporate participants are provided. As a conclusion, the author assumes that the establishment and application of criminal liability for the most serious violations of corporate rights and legitimate interests of corporate participants is due to their widespread, high significance for individuals and society as a whole.

Keywords: corporation, criminal law, criminal code, criminal law protection, entrepreneurs.

Согласно статье 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) уголовное законодательство в качестве одного из своих объектов признает охрану прав и свобод человека и гражданина, а также собственности.

Не вызывает сомнений, что уголовный закон охраняет также права юридических лиц.

Наряду с правами и свободами УК РФ призван защищать также законные интересы, что прямо вытекает, в частности, из частей 1 и 3 статьи 12, части 1 статьи 37, статьями 39 и 40 УК РФ, в которых термин «охраняемый уголовным законом интерес» используется фактически как синоним понятия «объект преступления».

Как справедливо отмечает Н. Н. Параскевов, «интерес, взятый под охрану уголовного закона, лежит в основе общественного отношения как объекта уголовно-правовой охраны, и, соответственно, объекта преступления» [2, с. 9].

Справедливо утверждение, что «...в защите корпоративных отношений должны обладать приоритетом иные отрасли права, а уголовная ответственность наступать не за любые, а только наиболее существенные корпоративные нарушения» [1, с. 51].

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «...федеральный законодатель определяет содержание положений уголовного закона, устанавливает преступность тех или иных общественно опасных деяний, их наказуемость, порядок привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, учитывая при этом степень распространенности таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, и существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств».

Указанные критерии криминализации деяний присутствуют во многих нарушениях корпоративных прав и интересов участников корпораций.

Так называемые рейдерские захваты предприятий многие рассматривают как одну из основных угроз экономической безопасности страны.

Вопреки имеющему место снижению общего числа зарегистрированных преступлений, количество мошенничеств (основная статья, по которой квалифицируются рейдерские захваты) стабильно растет с 2011 г. С этого времени до 2021 г. количество зарегистрированных мошенничеств выросло с 147,5 тыс. до 335,6 тыс. Нет сомнения в том, что широко распространены и другие преступления, нарушающие корпоративные права.

Однако уголовная статистика по преступлениям, направленным на охрану корпоративных прав и законных интересов участников корпораций, к сожалению, не отражает их реальной картины. Это связано, прежде всего, с отмечаемой многими авторами тенденцией «существенного снижения уровня процессуального реагирования на сообщения о преступлениях» [1, с. 51].

Так, П. Скобликов указывает на «...важный тезис современной уголовной политики, который в публичных выступлениях обычно формулируется как запрет для правоохранительных органов вмешиваться в хозяйственные и имущественные споры. При этом зачастую перед глаголом «вмешиваться» опускается наречие «необоснованно», что резко меняет смысл, и запрет становится тотальным. В результате сдерживается активность правоохранительных органов в выявлении и пресечении преступлений, которые совершают друг против друга участники имущественных споров... а также лица, им содействующие» [4, с. 27].

Экономически активные группы населения все меньше доверяют государственным институтам, полагаясь, в основном, на себя и свое окружение, выбирают неформальные схемы получения доходов и решения финансово-экономических проблем.

Отмечается также, что преступления в сфере экономической деятельности – это именно та категория преступлений, которая «порождает коррупцию, подпитывает и стимулирует ее, воспроизводит себя в организованных преступных формах» [2, с. 12].

В юридической литературе высказывается мнение о необоснованности установления уголовной ответственности за деяние, если оно не способно причинить реальный ущерб [3, с. 173]. Однако большинство ученых придерживается позиции, что общественную опасность могут представлять и деяния, которые создают условия, угрозу наступления опасных последствий [2, с. 13].

Следует отметить, что вред, причиняемый непосредственно правам и законным интересам участников корпораций, как правило, является весьма значительным. Он, зачастую, включает не только «реальный ущерб», но и упущенную выгоду – неполученные доходы, которые потерпевший получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. Ее получение носит вероятностный характер, что специально подчеркивается в некоторой судебной практике.

Так, согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, «поскольку упущенная выгода представляет собой неполученный доход, при разрешении споров, связанных с ее возмещением, следует принимать во внимание, что ее расчет, представленный истцом, как правило, является приблизительным и носит вероятностный характер. Это обстоятельство само по себе не может служить основанием для отказа в иске».

В юридической литературе высказывается мнение, что подход установления убытков с разумной степенью достоверности не применим для уголовных дел, поскольку требования процессуального законодательства исключают определение убытков с долей вероятности. С этим вряд ли можно согласиться. Даже рыночная цена имущества, от которой отталкиваются при определении ущерба имуществу – это «наиболее вероятная цена, по которой данный объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине цены сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства...».

Достаточно сложным является вопрос о соотношении убытков юридического лица и его участников. Очевидно, что убытки, причиненные участнику, не являются убытками юридического лица, поскольку последнее обладает обособленным имуществом и не отвечает по долгам участников. Однако убытки, причиненные коммерческой корпорации, напрямую влияют на имущественное положение ее участников, так как ведут к уменьшению стоимости их долей участия и упущенной выгоде в виде уменьшения дивидендов и других корпоративных выплат. Исключением являются ситуации, когда убытки корпорации причиняют сами участники, например, в результате вывода активов.

Многие авторы высказывают сомнения в том, что посяательства на неимущественные права участников корпорации способны причинить имущественный вред. Так, по мнению Т. В. Семенова, право на участие в управлении, право на информацию являются неимущественными, следовательно, при их нарушении или ограничении не может быть дана денежная оценка последствиям такого нарушения или ограничения. По его мнению, «деяния, описанные в статьях 185¹, 185⁴ и охраняющие неимущественные права членов корпорации, не способны причинить имущественный ущерб».

Представляется, что данные утверждения не соответствуют действительности. Невозможность своевременно получить достоверную информацию может привести к неверному решению о покупке или продаже акций; затратам на ее получение иными способами; расходам на защиту нарушенных прав.

Более обоснованным представляется мнение А. Ю. Федорова, считающего, что «конструкция составов, предусмотренных статьями 185², 185³ и 185⁴ УК РФ, должна быть следующей: основной состав – формальный, квалифицированные составы – материальные. В противном случае необходимость установления ущерба (да еще и в крупном размер) «...повлечет невозможность уголов-

но-правового преследования злоумышленников до тех пор, пока указанные в законе последствия не наступят, что, в свою очередь, существенно осложнит процесс истребования выведенного из компании имущества у добросовестного приобретателя прежним собственником».

Аналогичную точку зрения высказывает М. С. Румянцев (применительно к составам преступлений, предусмотренным статьями 185² и 185⁴ УК РФ), отмечая, что «... их совершение – это подготовительный этап рейдерского захвата, а на данном этапе определить размер причиненного ущерба практически невозможно».

Высказывается мнение, что только извлечение незаконного дохода должно быть криминообразующим признаком таких преступлений, предусмотренных статьями 185² и 185⁴ УК РФ. С данным предложением вряд ли возможно согласиться, так как определить момент окончания такого преступления станет гораздо сложнее. Кроме того, опасность рассматриваемых преступлений не в получении кем-либо незаконного дохода, а в причинении ущерба правам и законным интересам участников корпораций.

Таким образом, все предусмотренные уголовным законом посягательства на корпоративные права и законные интересы участников корпораций способны причинить имущественный вред. Некоторые посягательства (насильственные) способны причинить и неимущественный вред личности (ее здоровью, неприкосновенности, чести и достоинству, иным нематериальным благам, правам и законным интересам).

Справедливо утверждение, что для искоренения рейдерских захватов, злоупотреблений контролирующих лиц необходимо, в первую очередь, совершенствование корпоративного законодательства.

Стоит упомянуть и практику ЕСПЧ, применяющего три критерия для определения уголовной ответственности (применительно к статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод):

- критерий национального права (подпадает ли данное деяние под признаки преступления согласно национальным нормам);
- критерий круга адресатов (если ответственность распространяется на неопределенный круг лиц, правонарушение квалифицируется как уголовное);
- критерий правовых последствий для адресата (если предусмотренные санкции являются достаточно строгими, совершенное правонарушение имеет природу уголовного преступления).

Приведенные выше критерии являются альтернативными – соответствие хотя бы одному из них обуславливает уголовный характер обвинения [2, с. 13].

Таким образом, установление и применение уголовной ответственности за наиболее серьезные нарушения корпоративных прав и законных интересов участников корпорации обусловлено их широкой распространенностью, высокой значимостью для частных лиц и общества в целом, существенностью причиняемого ими вреда, а также невозможностью их эффективного преодоления с помощью иных правовых средств.

Вопросы уголовно-правового воздействия в части прав и законных интересов участников корпораций представляют интерес для дальнейшего изучения и являются предметом исследования некоторых ученых и практических работников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилов Б. Я. Уголовный проступок в контексте совершенствования российской уголовной политики // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона : сб. материалов Четвертой Всеросс. науч.-практ. конф. / под ред. Пудовочкина Ю. Е., Бриллиантова А. В. М., 2017. С. 51.

2. Параскевов Н. Н. Уголовно-правовая охрана законных интересов : дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2010. 179 с.

3. Рябова А. Ю. Преступления, совершаемые на рынке ценных бумаг: социальная обусловленность, законодательная регламентация, квалификация : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 211 с.

4. Скобликов П. А. Ошибки в толковании уголовно-правовой нормы об ответственности за причинение имущественного ущерба (статья 165 УК РФ) // Закон. 2017. № 4. С. 27.

УДК 343.01

Колесникова Наталья Валерьевна,
старший научный сотрудник,
Университет прокуратуры Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация
n_kolesnikova_69@mail.ru

Романова Марина Валерьевна,
научный сотрудник,
Университет прокуратуры Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация
dinasam2@mail.ru

Некоторые аспекты адаптации российского уголовного законодательства к Международной классификации преступлений для статистических целей

В статье рассматриваются вопросы, возникшие при проведении комплекса мероприятий по сопоставлению российского уголовного законодательства и Международной классификации преступлений для статистических целей (далее – МКПС) в Генеральной прокуратуре Российской Федерации.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, МКПС, учет преступлений, преднамеренное убийство.